

Неприрученная онтология

Давиде Тариццо — доцент кафедры политической философии, Университет Салерно; Фишано, Италия; e-mail: dtarizzo@unisa.it

ORCID: 0000-0002-1688-7430

Пер. с итал.¹: Ульяна Путилина — магистрантка университета Ка' Фоскари; Венеция, Италия; e-mail: pulja99@yandex.ru

Науч. ред.: Павел Одинцов — аспирант философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: odintsow.pav@yandex.ru

Ключевые слова: современность, жизнь, Фуко, неприрученная онтология, биополитика

Согласно Мишелю Фуко, появление новой науки о жизни — биологии — являлось одной из осей научной революции. Прежде чем в 1970-ых годах перейти к анализу биовласти и биополитики как центральных категорий современности, в «Словах и вещах» Фуко писал о жизни в терминах «тайной силы», которая лежит в основе современной биологии и может рассматриваться как ее эпистемологическое априори. Изобретение современности и современного понятия «жизнь», подчеркивает Мишель Фуко, происходят одновременно — в одной и той же онтологической рамке, которую он называет «неприрученной онтологией». Каковы основные черты этой онтологии? Как она влияет на наше представление о «жизни»? Как она связана с биополитическим поворотом? По мнению Давиде Тариццо, чтобы ответить на эти вопросы, мы должны прежде всего спросить себя, не содержит ли наше представление о «жизни» метафизические допущения, скрытые под нашими научными и политическими утверждениями. Автор предлагает расширить рамки неприрученной онтологии и соединить семантику автономной воли и семантику автономной жизни через утверждение, согласно которому именно автономия является метафизическим порогом современности.

¹ Перевод выполнен по изданию: Tarizzo D. La vita, un'invenzione recente / D. Tarizzo. — Bari: Editori Laterza, 2010. — 236 p. — ISBN 9788842092100. Публикуется с любезного разрешения автора.

мы, современные, живем.

Но когда мы начали жить? Когда началась современность? И когда *мы* стали *нами*? Именно вокруг этих вопросов построено самое насыщенное и головокружительное исследование Мишеля Фуко — «Слова и вещи»². Среди тезисов, выдвинутых в этой работе, нам особенно интересны следующие:

а) Современность начинается не в XVI–XVII веках, как принято считать, не с появлением новой науки и картезианским переворотом в философии, а позже — в конце классической эпохи, с Иммануила Канта. Фуко навсегда сохранит верность этому тезису — даже когда будет возводить начало современности к моменту, совпадающему с началом эпохи Просвещения и представляющему собой отправную точку для того, что Фуко назовет «онтологией настоящего». В конце концов, «онтология настоящего» — это не что иное, как онтология современности³.

б) Однако что современно? Современен человек или, точнее, человеческое, понятое как порог эпистемической позитивности, как поле бесконечных размышлений и исследований, единственная цель которых — ответить на вопрос: что такое человек? До современности, настаивает Фуко, человека не существовало, в том смысле, что не был поставлен вопрос о человечности человека. Не существовало никакой «аналитики конечного человеческого бытия», в рамках которой «человеческое бытие все время держится само от себя на расстоянии, в удалении, — и в этом его утверждение»⁴. Между тем именно из этой дистанции возникает образ человека как субъекта и объекта рефлексии, человек как «отстранение тождества от самого себя, появление зазора, который в каком-то смысле остается внутри тождества, а в каком-то сам создает его»⁵. Все это очерчивает горизонт современности, или нашего настоящего, чья *критическая* граница задается для Фуко философией Канта⁶. Именно с Кантом появляется человек

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб: А-сэд, 1994. — 408 с. — ISBN: 5-85962-021-7.

³ Фуко М. Что такое Просвещение // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3-х частях. Ч. 1 / М. Фуко. — М.: Праксис, 2002. — С. 335–359. — ISBN 5-910574-23-0.

⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб: А-сэд, 1994. — С. 357.

⁵ Там же. С. 360.

⁶ Fimiani M. Foucault e Kant. Critica clinica etica / M. Fimiani. — Napoli: Città del Sole, 1997. — 145 p. — ISBN 8886521669.

критический, человек, допрашивающий Себя (Тождественное) о своей сокровенной и критической человечности. Именно с Кантом возникает антропологическая «складка», из-за которой человек вынужден сам давать Себе закон, позволяющий, в конечном счете, определить его в качестве человека⁷. Именно это со времен Канта обозначается как автономия современного человека. Онтология современности — это онтология автономии.

в) На пороге этой автономии, подразумевающей «вечное взыскиваемое раскрытие Тождественного»⁸ или человеческой Самости, развертываются три эпистемических априори — жизнь, труд и язык — на основании которых перестраивается все поле знания: появляются биология, экономика и языкознание. Может показаться парадоксальным присутствие биологии, естественной науки, в исследовании, которое ставит перед собой задачу восстановить археологию современных гуманитарных наук и очертить их незримые категориальные рамки. Это тем более удивительно, что всего лишь через десять лет Фуко предложит взглянуть именно на «биовласть» и «биополитику» как на тайный шифр современной власти. Современность для Фуко — это время распространения новой власти, заменяющая закон меч и право суверена на жизнь и смерть подданных стремлением завладеть жизнью как таковой. Ее кредо теперь не «Убей или оставь в живых», а «Заставь жить или позволь умереть»⁹. Теперь мишенью власти становится сама жизнь, ее возвращение, усиление, направление и регуляция. Однако благодаря чему становится возможным возникновение этого современного механизма власти? Самое важное из условий Фуко определил десятью годами ранее: возникновение, наряду с работой и языком, «жизни» как историко-эпистемического априори. Тезис Фуко заключается в том, что до начала современности не существовало жизни как таковой, равно как и науки о ней — биологии. Однако с наступлением современности одновременно возникает знание о жизни и власть над ней (биология и биополитика), смертоносную сцепку которых нам нужно осознать.

[Историки] хотят создавать историю биологии XVIII века, но не отдают себе отчета в том, что биологии не существовало и что расчленение знания, которое нам известно в течение

⁷ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб: А-сэд, 1994. — С. 360.

⁸ Там же. С. 360.

⁹ Фуко М. Нужно защищать общество / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2005. — С. 253–278.

более чем ста пятидесяти лет, утрачивает свою значимость для предшествующего периода. То, что биология была неизвестна, имело очень простую причину: ведь не существовало самой жизни. Существовали лишь живые существа, которые открывались сквозь решетку знания, установленную естественной историей. [...] Видимо, именно поэтому естественная история в классическую эпоху не может конституироваться в качестве биологии. Действительно, до конца XVIII века жизнь как таковая не существует. Существуют только живые существа. [...] Натуралист – это человек, имеющий дело с видимой структурой и характерным наименованием, но не с жизнью¹⁰.

Вот почему мы, современные, живем. Потому что современность, господство автономии, — это господство жизни. Мы уже не *существуем*, мы *живем*: такова новая онтология, определяющая наше состояние. Знание о жизни (биология) и власть над жизнью (биополитика) возможны лишь на фоне особой абстракции жизни, онтологии жизни, в которой угадываются скрытые корни того, что Фуко впоследствии назовет онтологией настоящего. Но что есть жизнь, эта современная онтологическая абстракция? Фрагменты, где Фуко пишет об этом, одни из самых ярких и беспорядочных во всем его корпусе. И все же из них можно извлечь три указания:

Жизнь — это синтетическое единство. В классическую эпоху, до современности, натуралисты бросали взгляд на живое существо лишь для того, чтобы дать ему имя и найти ему место в линейном пространстве представления, классификации. Существовала лишь разрозненная множественность живых существ, подлежащая упорядочиванию. Классическая эпоха — время господства таксономии. Напротив, с наступлением современности существо определяется как «живое» уже не через соотнесение с другими живыми существами и не по положению среди них, а в связи со скрытым синтетическим единством, которое каждое живое существо таит в самом себе. «Множественность явна, единство тайно». И с этих пор живущие будут таковыми «лишь потому, что они живут, и на основе того, что они скрывают»¹¹.

Жизнь — это скрытая сила. Сама жизнь — вот что таит в себе живые существа, вот что делает их действительно живыми, и при этом

¹⁰ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб: А-сэд, 1994. — С. 157, 190, 191 (в пер. В. П. Визгина. Н. С. Автономовой).

¹¹ Там же. С. 293.

жизнь понимается как сила. Если знание натуралиста классической эпохи было знанием форм жизни, то знание тех, кто наблюдает за природой сейчас — это знание силы жизни, которая одушевляет всех живых существ и концентрируется в «нечто вроде средоточия тождества»¹², недоступного нашему взгляду. В современную эпоху мы переходим от *поверхностного* знания живых существ к *глубинному* знанию самой жизни. От знания видимых форм к знанию о невидимой силе. Эта сила, «жизнь», превращает каждое живое существо в складку, делает из него полноценную Самость, непрерывно стремящуюся утвердить и усилить себя. Таким образом, если в классическую эпоху «бытие неизменно обнаруживалось в пространстве представления, доступном анализу», то в современную эпоху, напротив, «загадка жизни скрывается в какой-то по своей сути непостижимой силе, улавливаемой посредством усилий, которыми она время от времени выявляет и поддерживает самое себя»¹³.

Жизнь — темная воля Самости. Здесь мы покидаем область плоской онтологии бытия и представления и переходим к тому, что Фуко называет «неприрученной онтологией». Поле знания больше не разбито на участки, где размещены вещи существующие и несуществующие, разделенные границей бытия и небытия. Теперь в него вторгается нечто ни существующее, ни несуществующее, но желающее быть в каждом живом существе — жизнь. Любая форма жизни — всего лишь преходящее, шаткое воплощение силы жизни, слепого и неутолимого желания существовать, «неистовой силы, безмолвной и незримой, которая во тьме поглощает»¹⁴ каждое живое существо сразу после того, как породила его. Это заря новой онтологии, которой неведома пропасть между бытием и небытием — она обитает и движется в пространстве противостояния между ними. Это заря современности, заря жизни, заменяющей старую онтологию одного и многого неприрученной онтологией Самости:

Ибо жизнь — и именно поэтому она представляется мышлению XIX века основной ценностью — является одновременно основой и бытия, и небытия. Бытие существует лишь потому, что существует жизнь, и в ее основоположном движении, обрекающем их на смерть, рассеянные и лишь на мгновение

¹² Там же. С. 292.

¹³ Там же. С. 298.

¹⁴ Там же.

устойчивые живые существа возникают, устанавливаются, удерживают жизнь — и в каком-то смысле ее убивают, — но в свою очередь уничтожаются ее неисчерпаемой силой. Таким образом, именно опыт жизни выступает как самый общий закон живых существ, выявляющий ту первоначальную силу, благодаря которой они существуют; этот опыт жизни функционирует как некая первозданная онтология, которая, по-видимому, старается выявить бытие и небытие всех существ в их нераздельности. Однако онтология эта обнаруживает вовсе не то, что лежит в основе всех этих существ, но скорее то, что облекает их на мгновение в столь хрупкую форму и тайно подрывает их изнутри, чтобы затем разрушить. Все живые существа являются лишь преходящими обликами жизни, а бытие, которое они сохраняют в течение краткого периода их существования, есть лишь их притяжение, их желание жить. Таким образом, для познания бытия вещей есть иллюзия, покров, который необходимо разорвать, дабы обнаружить ту неистовую силу, безмолвную и незримую, которая во тьме поглощает их¹⁵.

О каком же «познании» говорит здесь Фуко? Горизонт какого знания задает жизнь? Какие дискурсы могут возникнуть в контексте современной «неприрученной онтологии»? Может показаться, что Фуко отсылает к метафизике жизни и многочисленным виталистическим философским течениям, возникающим в эпоху современности. Но в действительности он убежден в том, что «неприрученная онтология» и ее «синтетическое понятие» жизни лежат в основе научного, а не только метафизического знания. Он считает, что онтологический горизонт жизни включает в себя и предполагает как научный, так и метафизический дискурс.

Для Фуко наиболее важен *научный аспект*, о котором он преимущественно и размышляет. На его взгляд, неприрученная онтология порождает новый, исключительно современный тип знания, основанный на синтетическом понятии жизни. Это новое знание, новая наука современности — *биология*, противопоставленная, по его мнению, другой современной науке — *экономике*. Именно о биологии говорит Фуко, описывая, как «складывается тип мышления, который противопоставляет себя почти в каждом из своих моментов другому типу мышления, связанному со становлением историчности в экономике»¹⁶.

¹⁵ Там же. С. 303.

¹⁶ Там же. С. 304.

В то время как последняя «опиралась на тройственную теорию основных потребностей, объективности труда и конца истории», биология — это «мысль, в которой индивидуальность со всеми ее формами, пределами и потребностями является лишь преходящим моментом, обреченным на гибель, создающим во всем и для всего простое препятствие, которое подлежит устранению на пути этого уничтожения; это мысль, в которой объективность вещей является лишь видимостью, химерой восприятия, иллюзией, которую необходимо рассеять и представить чистой волей без проявления, которая порождает вещи и какое-то время поддерживает их. Это, наконец, мысль, для которой возобновление жизни, ее непрерывные повторы, ее упорство бесконечны и беспредельны»¹⁷. Здесь мы видим еще одну коннотацию синтетического понятия жизни, которое, согласно Фуко, лежит в основе современной биологии: жизнь, утверждает он, это «чистая воля без проявления»¹⁸. Остается понять, насколько подобное значение слова «жизнь» может считаться научным.

При этом на заднем плане все время находится *метафизический* дискурс, всегда готовый возродиться в рамках неприрученной онтологии современности. Из этой онтологии, по Фуко, прорастают и наука, и метафизика жизни. Иными словами, биология и витализм возникают в одних и тех же условиях. Рождение первой сопровождается (воз)рождением второго:

Именно этот переход от таксономического понятия жизни к синтетическому отмечен в истории идей и наук возрождением виталистских тем в начале XIX века. С археологической точки зрения именно с этих пор устанавливаются условия возможности *биологии*¹⁹.

Это фундаментальный тезис Фуко: археология современного витализма и археология современной биологии — это *одна и та же* археология, поскольку они возвращают нас к одному и тому же понятию жизни, к одной и той же глубинной семантике «неприрученной силы». Именно общность эпистемического априори — априори жизни — для двух дискурсов со столь различным устройством и содержанием обосновывает археологическое исследование Фуко. Но как

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 304.

¹⁹ Там же. С. 294.

тогда соотносятся между собой наука о жизни и метафизика жизни, если они коренятся в глубинах одного и того же априори? Если для обеих тайна жизни в конечном итоге заключается в том, что «жизнь постоянно поглощает самое себя»²⁰? Фуко отвечает уклончиво — новым вопросом — демонстрируя тем самым пределы своего исследования.

Этот ответ, он же вопрос, таков:

Следует ли признать, что отныне каждая форма позитивности обретает, наконец, «философию», которая ее устраивает? Будет ли это для экономики философия труда, осуществляемого под знаком потребности, но сулящего в конечном итоге большой выигрыш во времени? Для биологии — философия жизни, наделенной той непрерывностью, которая создает существа лишь для того, чтобы уничтожить, и тем самым освобождает себя от всех границ Истории?²¹.

Ни здесь, ни в дальнейшем ответа на этот вопрос Фуко не дает. Однако можно догадаться, на что он намекает. Точно так же, как экономика, будучи современной наукой, всегда склонна соскальзывать в философию истории, обнаруживая, что разделяет с ней одни и те же эпистемические априори, так и биология, будучи современной наукой, всегда склонна соскальзывать в философию жизни, обнаруживая, что разделяет с ней одну и ту же глубинную и «неприрученную» семантику. Иными словами, нет никакого разрыва между наукой и метафизикой труда, как нет разрыва между наукой и метафизикой жизни. Но почему же Фуко не идет дальше?

Одна из причин лежит на поверхности и заключается в том, что Фуко не нуждается в этом в контексте «археологии гуманитарных наук». Для выполнения этой задачи ему достаточно указать на разрыв между эпистемическими парадигмами классической и современной эпох, не детализируя карту взаимных пересечений, которые возникают в рамках отдельно взятой эпистемической парадигмы, классической или современной, между разными способами высказывания — в данном случае философским и научным. Археологический анализ направлен на установление различий и на разрыв непрерывностей. Поэтому он не занимается реконструкцией эпистемических организмов, членораздельных систем знания, а подчеркивает пробелы

²⁰ Там же. С. 302.

²¹ Там же. С. 304.

и интервалы. Он не обязан заниматься чем-либо полным, его дело — пустоты, с границ которых становятся видимыми скачки и изломы. Тем не менее, внутри эпистемических парадигм все же присутствуют линии напряжения, которые упорядочивают их облик. Сам Фуко, например, прекрасно осознает, что появление, с одной стороны, современного человека — томимого желанием, в котором проявляется «изначальный дефицит»²² и устанавливается конститутивная дистанция от собственной Самости, — и, с другой стороны, современного понятия жизни *не является простым совпадением*. В свете именно этого осознания становятся понятны впечатляющие страницы, на которых тема воли и тема жизни словно переходят одна в другую, как вариации единой неприрученной силы, совпадающей с парадоксальной «свободой» современного человека. Как в следующем фрагменте, где (что весьма показательно) любой возможный вопрос открывается и сразу же закрывается в едином моменте, во внезапной вспышке озарения:

Необузданность жизни и ее неутомимый напор, глухая сила потребностей ускользнут от способа бытия представления. Представление станет удвоенным, ограниченным, может быть, мистифицированным, во всяком случае управляемым извне благодаря грандиозному порыву свободы, или желания, или воли, которые предстанут как метафизическая изнанка сознания. В современной практике возникнет нечто вроде воли или силы, возможно, конституирующей ее, указывающей, во всяком случае, что классическая эпоха только что завершилась²³.

Однако есть еще одна причина, по которой Фуко предпочитает не идти дальше в том направлении, которое мы пытаемся здесь обозначить. Эта вторая причина, по всей вероятности, является вполне оправданной предосторожностью. В конце концов, мы все понимаем, к чему ведет утверждение об отсутствии разрыва между наукой и метафизикой труда — к первой великой метафизической цепочке современности, которая от Гегеля приводит прямо к Карлу Марксу. К тому же экономика не обладала бесспорным научным статусом. Ни тогда, ни сейчас. А что насчет второй цепочки? Утверждать, что между наукой и метафизикой жизни нет разрыва — значит ступить

²² Там же.

²³ Там же. С. 236.

на минное поле, бросить вызов одной из нерушимых научных догм и одному из самых авторитетных интеллектуалов современности. Так что, возможно, Фуко решил не заходить слишком далеко в «Словах и вещах» — работе, которая и без того была очень смелой.

Читатели этой книги знают, к какой уловке прибегнул Фуко. Он предпочел не упоминать имя истинного основателя современной биологии и извлечь условия возможности этого знания из трудов его предшественника. Именно в работах Жоржа Кювье, утверждает Фуко, впервые увидело свет современное синтетическое понятие жизни с ее двусмысленностью и глубинной семантикой, выходящей за пределы науки и граничащей с «философией». И именно у Кювье свет жизни забрезжил за пределами живых существ, в конститутивном разрыве каждого живого существа с собственной Самостью. Именно у Кювье, а не, например, у Жана-Батиста Ламарка: «И если в силу ретроспективной иллюзии Ламарк и превозносится в ущерб Кювье, если пока еще недостаточно осознается, что лишь в “Лекциях по сравнительной анатомии” “жизнь” впервые достигает своего порога позитивности, тем не менее возникает хотя бы смутная мысль, что западная культура именно с этого момента стала по-новому видеть мир живого»²⁴.

Почему для Фуко так важна фигура Кювье? Благодаря Кювье стал возможен Чарльз Дарвин. И именно Кювье формулирует понятие жизни, которое вскоре станет сердцем эволюционной теории не только Ламарка, но и Дарвина: «Биологическая теория эволюционизма предполагает в качестве условия своей возможности чуждую всякой эволюции биологию Кювье»²⁵. Следовательно, неприрученная онтология, которая, согласно Фуко, является пульсирующей онтологией современной жизни, включает в себя — не только, но *в том числе* — эволюционную онтологию Дарвина, включает в себя — не только, но *в том числе* — онтологию естественного отбора, своего рода метонимией которой является биология Кювье²⁶. Здесь и пролегает мостик между наукой и метафизикой жизни, восстановленный при помощи завуалированных намеков Фуко. Интуиция, за которой он предпочел не следовать.

²⁴ Там же. С. 306.

²⁵ Там же. С. 318.

²⁶ Foucault M. La situation de Cuvier dans l'histoire de la biologie. // Foucault M. Dits et écrits. En 4 vol. Vol. 2 / M. Foucault. — Paris: Gallimard, 1994. — P. 63–92. — ISBN 978-2070761869.

И все же Фуко знал то же, что и мы — а именно, что в современной биологии «жизнь определяется наличием тех свойств, которые необходимы для обеспечения эволюции путем естественного отбора»²⁷. Знал он и то, что «доктрина естественного отбора» — это не только «объединяющая доктрина всей биологии», но и однозначно «единственно возможная» доктрина, способная выполнить такую задачу²⁸. Фуко знал, что именно эта доктрина вклинилась в никогда не возникавшую прежде расщелину между живым существом и им самим, между «словом и вещью», которые в натуралистских исследованиях классической эпохи все еще были неразрывно переплетены²⁹. Он знал, что именно дарвиновское учение позволяет увидеть в каждой форме жизни и в каждом живом существе лишь «результат и временную остановку постоянного динамизма, который, в свою очередь, должен быть определен как “жизнь”» — жизнь, которая, будучи понятой таким образом, в конечном итоге приобретает значение, незримо выводящее ее за пределы научного высказывания³⁰. Возможно, Фуко опасался недопонимания и молчаливого неприятия, подобного тому, что вызвала несколько лет спустя знаменитая статья Карла Поппера о дарвинизме как метафизической исследовательской программе³¹.

Поппер утверждал, что теория естественного отбора функционирует на основе «ситуативной логики» и потому действительна только в таком гипотетическом контексте, в котором заранее определенное понятие «жизни» принимается как само собой разумеющееся. Это не означает, что Поппер отрицал научный статус дарвинизма — скорее, он стремился выявить его метафизическую сторону, которая для него оставалась неотличимой от собственно научной. В любом случае эта критика не была и не должна была стать *опровержением* дарвинизма³². В то же время Фуко, пусть и с оглядкой, раздумывал на похожей

²⁷ Maynard Smith J. The Problems of Biology / J. Maynard Smith. — Oxford: Oxford University Press, 1986. — P. 7.

²⁸ Gayon J. Darwin et l'après-Darwin. Une histoire de l'hypothèse de la sélection naturelle / J. Gayon. — Paris: Kimé, 1992. — P. 190.

²⁹ Roger J. Les sciences de la vie dans la pensée française du XVIII siècle. La génération des animaux de Descartes à l'Encyclopédie / Roger J. — Paris: Albin Michel, 1993. — P. 53.

³⁰ Jonas H. Das Prinzip Leben. Ansätze zu einer philosophischen Biologie / H. Jonas. — Frankfurt a. M.: Insel, 1994. — P. 59–60, 73–74.

³¹ Popper K. R. Darwinism as a Metaphysical Research Programme / K. R. Popper // Philosophy of Science: Contemporary Readings / eds. Y. Balashov and A. Rosenberg. — London and New York: Routledge, 2002. — P. 302–320.

идеей, о чем свидетельствует, в частности, его телевизионный диалог с Ноамом Хомским, в ходе Фуко утверждал, что в современной биологии «жизнь» функционирует не как нормальное научное понятие, а, скорее, как «эпистемологический индикатор» — своего рода научный метаконцепт, лишенный реального референта, но фундаментально важный для «обозначения, разграничения и размещения» биологического дискурса³³. Итак, что же имел в виду Фуко, приравнивая жизнь к «эпистемологическому индикатору», к лишенному контакта с реальностью понятию, единственной функцией которого является очерчивание границ определенного эпистемологического поля? И как нам следует понимать последние страницы работы по истории биологии (тут же удостоившейся похвального слова Фуко), опубликованной в те же годы известным ученым, где буквально утверждалось, что «жизнь» — это метафизическая сущность³⁴?

Нам не следует искать в этих заявлениях попытку опровержения основных положений и исследовательских процедур современной биологии — как если бы Фуко и Поппер подозревали эту науку в том, что она является всего лишь прикрытием для шаткой философской теории. Ведь они стремились вовсе не к этому. И они не согласились бы, например, со словами Джорджа Лакоффа, который утверждал, что «философия наиболее сильна, когда остается невидимой. За столетия философские теории могут настолько прочно утвердиться в нашей культуре и интеллектуальной жизни, что становятся практически невозможным и далее воспринимать их в качестве теорий; и тогда они превращаются в самоочевидные истины, становятся частью интеллектуального ландшафта, служащего фоном для теоретизирования. Такие практически невидимые философские теории зачастую безвредны. Но когда они ложны и при этом общеприняты в важных академических дисциплинах, эти невидимые философские теории могут стать препятствием для научных исследований. Именно в силу своей невидимости они никогда не подвергаются ни сомнению, ни пересмотру»³⁵.

³² Popper K. R. *Unended Quest. An Intellectual Autobiography* / K. R. Popper. — Glasgow: Fontana-Collins, 1976. — P. 133–143.

³³ Foucault M., Chomsky N. *De la nature humaine: justice contre pouvoir* / M. Foucault, N. Chomsky. — Paris: L'Hérne, 2007. — 112 p. — ISBN 2851976583.

³⁴ Jacob F. *La logique du vivant. Une histoire de l'hérédité* / F. Jacob. — Paris: Gallimard, 1970. — P. 327.

³⁵ Lakoff G. *Cognitive Semantics* / G. Lakoff // Eco U., Santambrogio M., Violi P. *Meaning and Mental Representations* / U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi. — Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 1988. — P. 119–154.

Рассматриваемая Лакоффом ситуация — почти лабораторная. Она предполагает существование герметичных теоретических отсеков: отсека философских теорий, являющихся ложными и необоснованными с научной точки зрения, и отсека научных теорий — истинных и обоснованных. Очевидно, что при таком раскладе показать, что теория является философской, а не научной, *ipso facto* означает доказать ее ложность и отклонение от изначальных устремлений. Но при ближайшем рассмотрении мы видим, что дело обстоит иначе, поскольку лишь в редких случаях можно провести четкую и безусловную границу между регистрами высказываний, которые, тем не менее, во многих отношениях различаются. Слова постоянно перемещаются из одной области нашего эпистемического горизонта в другую, и в процессе этого перемещения производят невидимые смысловые эффекты. Это не означает, что они несут за собой целые теории — *насыщенные, связанные и единые*. Даже утверждения, относящиеся к разным дискурсивным режимам, похоже, загрязняют и пятнают друг друга то тут, то там, омрачая наши тщетные, хотя и вполне оправданные мечты об абсолютной чистоте. Иначе говоря, где бы они не произносились, слова пропитаны историей и, следовательно, расплывчаты.

Эту же проблему рассматривал Чарльз Тейлор в одной из своих работ, где он обращался — и притом весьма оригинальным образом — к щекотливому вопросу о современности. Гипотеза Тейлора состоит в том, что существуют не невидимые философские теории, а скорее невидимые онтологии, скрытые за общими и диффузными «рамками» (*frameworks*), с помощью которых мы ориентируемся в мире³⁶. Эти рамки, по словам Тейлора, носят исторический характер, меняются со временем (как и эпистемические парадигмы Фуко) и подразумевают точные «качественные различия», очерчивая границы альтернативных моральных онтологий. Какова в таком случае роль философии? Не в том, чтобы каждый раз изобретать и защищать новую невидимую онтологию, новую моральную онтологию, словно некую новую теорию. У нее более скромная роль — каждый раз раскапывать и выводить на свет глубинную семантику ключевых, фундаментальных понятий, на которых строится та или иная «рамка».

Сова философии, конечно, вылетает в сумерки, когда ставки уже сделаны — об этом предупреждал еще Гегель. При этом, однако, она

³⁶ Taylor C. Sources of the Self. The Making of Modern Identity / C. Taylor. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1989. – 624 p. – ISBN 978-0674824263.

все еще может многое. Ведь только она способна заглянуть в самую даль — охватить горизонт целиком, делая его видимым. И в конце концов только философия способна обратить свой горизонт — свое время — против себя, заставив нас высунуться из-за головокругительного гребня ее случайности.

Неприрученная онтология, о которой говорит Фуко, безусловно, является невидимой онтологией в тейлоровском смысле, хотя она и задает нечто большее, чем просто границу моральных ценностей. Да, это онтология с сильными моральными и еще более сильными политическими импликациями, но это также онтология, которая влечет за собой ряд серьезных эпистемических следствий. В ее основе лежит синтетическое понятие «жизни», абстракция «жизни», которая, с одной стороны, является условием возможности биополитики и может быть даже религией «жизни», которую уже исследовали некоторые авторы³⁷. С другой стороны, она является условием возможности метафизики «жизни», интеллектуальное влияние которой беспрецедентно, а также науки о «жизни», безотчетно движущейся вдоль этой же линии горизонта. Это понятие — эта абстракция — *не исчерпывает и не насыщает*, а скорее *ориентирует* и обуславливает дискурсивность «жизни» в ее различных проявлениях. Современная «жизнь» имеет некую *плотность*, в каком бы контексте мы не использовали этот термин — в философии или в естественных науках, в области морали или политики. Хотя следует подчеркнуть, что эта плотность не обобщает и не содержит в себе все дискурсы о «жизни» — она лишь излучает некую тайную силу, *склоняющую* эти дискурсы в определенном направлении. И гарантирует, что всякий раз, когда речь заходит о «жизни», говорим мы — современные.

Наша цель — вслед за Фуко расшифровать семантику современной «жизни», чтобы завершить или хотя бы расширить лишь бегло очерченную им рамку неприрученной онтологии. Начнем мы с выдвижения и разъяснения одного тезиса: *метафизическим порогом современности является автономия*. Он должен помочь нам соединить то, что так и не смог соединить Фуко: семантику автономной воли (лежащей, в частности, в основе современных правовых понятий) и семантику автономной жизни, то есть две противоположные

³⁷ Duden B. Der Frauenleib als öffentlicher Ort. Vom Mißbrauch des Begriffs Leben / B. Duden. — Hamburg-Zürich: Luchterhand Literaturverlag, 1991. — 140 p. — ISBN 978-3938304761; Dworkin R. M. Life's Dominion. An Argument about Abortion and Euthanasia / R. M. Dworkin. — New York: Harper Collins, 1993. — 288 p. — ISBN — 978-0679733195.

стороны нашей эпохи. Как только мы перешагнули порог современности, воля и жизнь стали двумя сторонами нашего времени, двумя смыслами, переходящими друг в друга, как если бы они были записаны на ленте Мебиуса. Воля и жизнь предстают двумя сторонами этой ленты, этого настоящего, перетекающими одна в другую. Но мы, современные, не являемся ни тем, ни другим. Мы лишь складка, петля, которая позволяет ленте настоящего преследовать себя и обвиваться вокруг пустоты. Мы, современные, не существуем. Мы всего лишь живем и желаем. «Ирония этого диспозитива: он заставляет нас верить, что дело тут касается нашего “освобождения”³⁸; он заставляет нас верить, что на кону стоит свобода — наша свобода, призванная сделать нас людьми, в то время как внутри нас бушует битва, в которой очень мало человеческого. «Мы волим сами себя...»³⁹

Библиография

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб: А-сad, 1994. – 408 с. – ISBN: 5-85962-021-7.
2. Фуко М. Что такое Просвещение // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Статьи и интервью 1970–1984. В 3 ч. Ч. 1 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – С. 335–359. – ISBN 5-910574-23-0.
3. Fimiani M. Foucault e Kant. Critica, clinica, etica / M. Fimiani. – Napoli: Città del Sole, 1997. – 145 p. – ISBN 8886521669.
4. Фуко М. Нужно защищать общество / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с. – ISBN 5-02-026848-8.
5. Foucault M. La situation de Cuvier dans l’histoire de la biologie // Foucault M. Dits et écrits. En 4 vol. Vol. 2 / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 63–92. – ISBN 978-2070761869.
6. Maynard S. J. The Problems of Biology / S. J. Maynard. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 144 p. – ISBN 9780192891983.
7. Gayon J. Darwin et l’après-Darwin. Une histoire de l’hypothèse de la sélection naturelle / J. Gayon. – Paris: Kimé, 1992. – 453 p. – ISBN 2-908212-14-5.
8. Roger J. Les sciences de la vie dans la pensée française du XVIII

³⁸ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – С. 268.

³⁹ Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета / М. Хайдеггер // Историко-философский ежегодник, 1994. – М.: Наука, 1995. – С. 298–304.

siècle. La génération des animaux de Descartes à l'Encyclopédie / Roger J. – Paris: Albin Michel, 1993. – 852 p. – ISBN 2226049428.

9. Jonas H. Das Prinzip Leben. Ansätze zu einer philosophischen Biologie / H. Jonas. – Frankfurt am Main: Insel, 1994. – 408 p. – ISBN 3518391984.

10. Popper K. R. Darwinism as a Metaphysical Research Programme' / K. R. Popper // Philosophy of Science: Contemporary Readings / Y. Balashov, A. Rosenberg (eds.). – London, New York: Routledge, 2002. – P. 302–320. – ISBN 0415257824.

11. Popper K. R. Unended Quest. An Intellectual Autobiography / K. R. Popper. – Glasgow: Fontana-Collins, 1976. – 260 p. – ISBN 0875483437.

12. Foucault M., Chomsky N. De la nature humaine: justice contre pouvoir / M. Foucault, N. Chomsky. – Paris: L'Herne, 2007. – 112 p. – ISBN 2851976583.

13. Jacob F. La logique du vivant. Une histoire de l'hérédité / F. Jacob. – Paris: Gallimard, 1970. – 352 p. – ISBN 9782070293346.

14. Lakoff G. Cognitive Semantics / G. Lakoff // Meaning and Mental Representations / U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi (eds.) – Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 1988. – P. 119–154.

15. Taylor C. Sources of the Self. The Making of Modern Identity / C. Taylor. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. – 624 p. – ISBN 978-0674824263.

16. Duden B. Der Frauenleib als öffentlicher Ort. Vom Mißbrauch des Begriffs Leben / B. Duden. – Hamburg-Zürich: Luchterhand Literaturverlag, 1991. – 140 p. – ISBN 978-3938304761.

17. Dworkin R. M. Life's Dominion. An Argument about Abortion and Euthanasia / R. M. Dworkin. – New York: Harper Collins, 1993. – 288 p. – ISBN– 978-0679733195.

18. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с. – ISBN 5-85374-006-7.

19. Хайдеггер М. Самоутверждение немецкого университета / М. Хайдеггер // Историко-философский ежегодник, 1994. – М.: Наука, 1995. – С. 298–304.

The untamed ontology

Davide Tarizzo — Associate Professor of Political Philosophy at the University of Salerno; Fisciano (SA), Italy; e-mail: dtarizzo@unisa.it

ORCID: 0000-0002-1688-7430

Translated from Italian: Ul'yana Putilina — Master's student at the University of Ca' Foscari; Venice, Italy; e-mail: pulja99@yandex.ru

Scientific Editor: Pavel Odincov — PhD student of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: odintsow.pav@yandex.ru

Keywords: modernity, life, Foucault, untamed ontology, biopolitics

According to Michel Foucault, the emergence of a new science of life, biology, was one of the axes of the scientific revolution. Before moving in the 1970s to analyse biopower and biopolitics as central categories of modernity, in *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*, Foucault wrote about life in terms of the «secret force» that underlies modern biology and can be seen as its epistemological a priori. The invention of modernity and the modern notion of life, Michel Foucault emphasises, occur simultaneously — within the same ontological framework, which he calls the «untamed ontology». What are the main features of this ontology? How does it affect our conception of «life»? How does it relate to the biopolitical turn? According to Davide Tarizzo, in order to answer these questions, we must first ask ourselves whether our conception of «life» does not contain metaphysical assumptions that are still partially hidden under our scientific and political claims. The author proposes to extend the scope of an untamed ontology and to connect the semantics of autonomous will and the semantics of autonomous life through the claim that it is autonomy that constitutes the metaphysical threshold of modernity.

References

1. Foucault M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences] / M. Foucault. – St. Petersburg: A-cad, 1994. – 408 p. – ISBN: 5-85962-021-7.
2. Foucault M. Chto takoe Prosveshchenie? [What is Enlightenment?] // Foucault M. Intellekтуалы i vlast'. Stat'i i interv'yu 1970–1984. V 3 ch. Ch. 1 [Intellectuals and Power. Articles and Interviews 1970–1984. In 3 ch. Ch. 1] / M. Foucault. – Moscow: Praksis, 2002. – P. 335–359. – ISBN 5-910574-23-0.
3. Fimiani M. Foucault e Kant. Critica, clinica, etica / M. Fimiani. – Napoli: Città del Sole, 1997. – 145 p. – ISBN 8886521669.
4. Foucault M. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo [Society Must Be Defended] / M. Foucault. – St. Petersburg: Nauka, 2005. – 312 p. – ISBN 5-02-026848-8.
5. Foucault M. La situation de Cuvier dans l'histoire de la biologie [Cuvier's Situation in the History of Biology] // Foucault M. Dits et écrits. En 4 vol. Vol. 2 / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 63–92. – ISBN 978-2070761869.
6. Maynard S. J. The Problems of Biology / S. J. Maynard. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 144 p. – ISBN 9780192891983.
7. Gayon J. Darwin et l'après-Darwin. Une histoire de l'hypothèse de la sélection naturelle [Darwin and After Darwin: A History of the Hypothesis of Natural Selection] / J. Gayon. – Paris: Kimé, 1992. – 453 p. – ISBN 2-908212-14-5.
8. Roger J. Les sciences de la vie dans la pensée française du XVIIIe siècle. La génération des animaux de Descartes à l'Encyclopédie [The Life Sciences in French Thought of the 18th Century. The Generation of Animals from Descartes to the Encyclopedia] / J. Roger. – Paris: Albin Michel, 1993. – 852 p. – ISBN 2226049428.
9. Jonas H. Das Prinzip Leben. Ansätze zu einer philosophischen Biologie [The Phenomenon of Life: Toward a Philosophical Biology] / H. Jonas. – Frankfurt am Main: Insel, 1994. – 408 p. – ISBN 3518391984.
10. Popper K. R. Darwinism as a Metaphysical Research Programme / K. R. Popper // Philosophy of Science: Contemporary Readings / Y. Balashov, A. Rosenberg (eds.). – London, New York: Routledge, 2002. – P. 302–320. – ISBN 0415257824.
11. Popper K. R. Unended Quest. An Intellectual Autobiography / K. R. Popper. – Glasgow: Fontana-Collins, 1976. – 260 p. – ISBN 0875483437.

12. Foucault M., Chomsky N. De la nature humaine: justice contre pouvoir [On Human Nature: Justice Versus Power] / M. Foucault, N. Chomsky. – Paris: L’Herne, 2007. – 112 p. – ISBN 2851976583.

13. Jacob F. La logique du vivant. Une histoire de l’hérédité [The Logic of Life: A History of Heredity] / F. Jacob. – Paris: Gallimard, 1970. – 352 p. – ISBN 9782070293346.

14. Lakoff G. Cognitive Semantics / G. Lakoff // Meaning and Mental Representations / U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi (eds.). – Bloomington-Indianapolis: Indiana University Press, 1988. – P. 119–154.

15. Taylor C. Sources of the Self. The Making of Modern Identity / C. Taylor. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. – 624 p. – ISBN 978-0674824263.

16. Duden B. Der Frauenleib als öffentlicher Ort. Vom Mißbrauch des Begriffs Leben [The Woman’s Body as a Public Space: On the Misuse of the Concept of Life] / B. Duden. – Hamburg-Zürich: Luchterhand Literaturverlag, 1991. – 140 p. – ISBN 978-3938304761.

17. Dworkin R. M. Life’s Dominion: An Argument About Abortion and Euthanasia / R. M. Dworkin. – New York: Harper Collins, 1993. – 288 p. – ISBN – 978-0679733195.

18. Foucault M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual’nosti. Raboty raznykh let [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Selected Works] / M. Foucault. – Moscow: Kastal’, 1996. – 448 p. – ISBN 5-85374-006-7.

19. Heidegger M. Samoutverzhdienie nemetskogo universiteta [The Self-Assertion of the German University] / M. Heidegger // Istoriko-filosofskiy ezhegodnik [Yearbook of History and Philosophy], 1994. – Moscow: Nauka, 1995. – P. 298–304.